«НАПУГАТЬ БУДУЩИМ ПРОЩЕ, ЧЕМ ИМ ВДОХНОВИТЬ»

Историк, политолог, религиовед Александр Журавский — о своем романе «Альтернатива» и визионерстве в футурологии, о плотских и цифровых искушениях, о роли искусственного интеллекта в новом миропорядке, а также о том, какой литературный жанр лучше всего характеризует современную российскую реальность

БОЛЬШИНСТВО прочитавших «Альтернативу» отмечают гармоничную многожанровость романа. Но сами вы определили жанр необычно: футурологический роман. Что это такое? И в чем для вас заключается «светлое будущее» России?

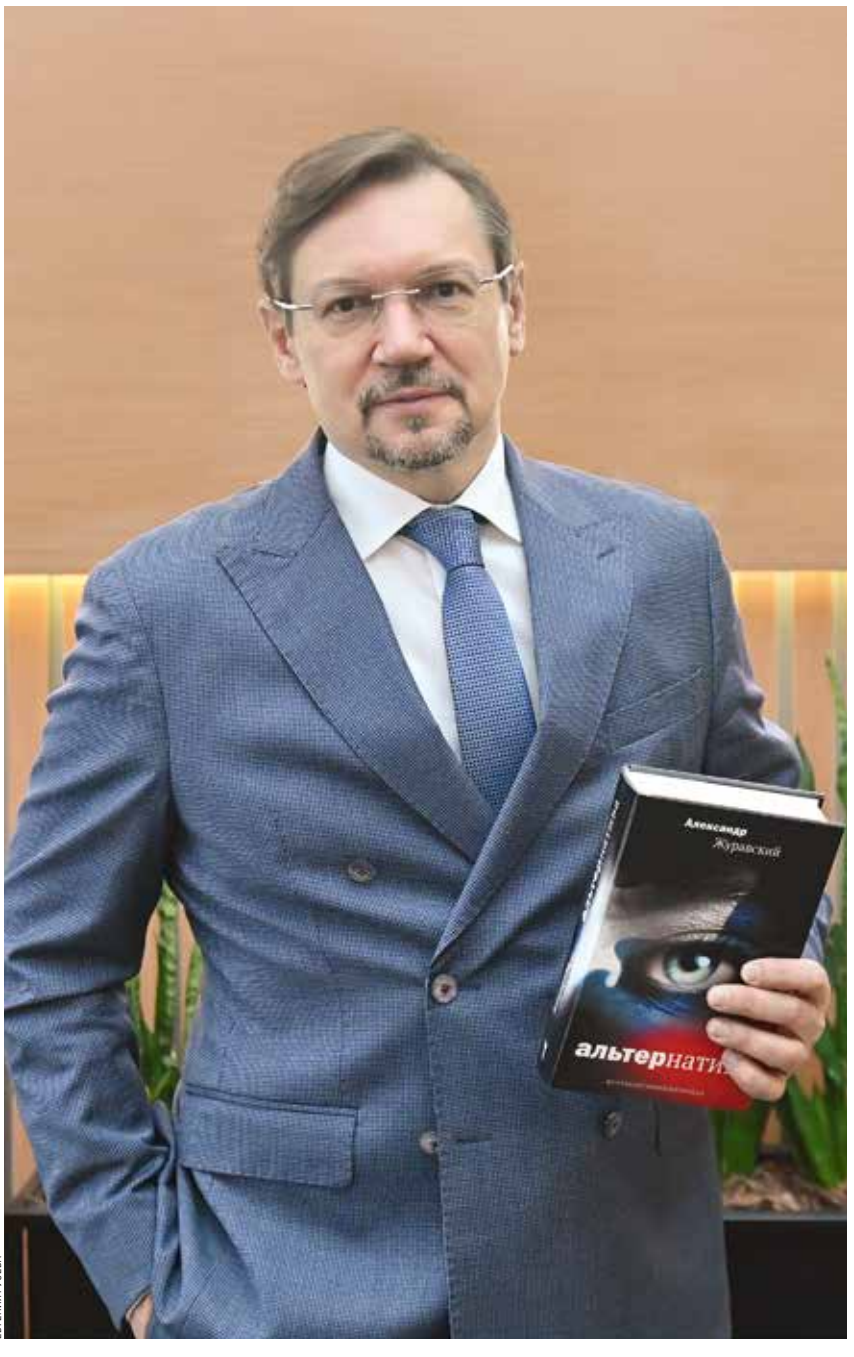
Футурологический роман — редкий в мировой литературе жанр, предполагающий художественное осмысление образа будущего. В отличие от научной фантастики, футурология предлагает сценарии, которые при определенных условиях могут реализоваться. В этом ее прелесть. Поэт в России — больше, чем поэт, поскольку обладает символической властью формировать или изменять восприятие социальной действительности. Здесь ключ к пониманию визионерства в футурологии. При этом никто не отменяет художественные требования к роману: он должен впечатлять, вызывать эмоции, увлекать читателя сюжетом и давать ответы на проклятые вопросы современности. А «светлое будущее» России, наверное, состоит в том, чтобы оставаться суверенной мировой державой, исполняющей свою спасительную миссию и обладающей притягательным образом жизни.

Чем вас привлекает синтез жанров как прием и в чем значение каждого из них в стилистике книги?

На дистанции большого романа, охватывающего двадцать лет жизни героев, подобная многожанровость становится допустимым и даже полезным литературным приемом. В романе много сюжетных линий и каждая из них соответствует какому-то жанру. Столкновение государств, интриги и внутренняя кухня политических элит и разведок — это жанрово политический триллер. История двойного агента — авантюрный роман. Боевые действия периода СВО — роман военный. А есть еще детектив, романтическая линия, наконец притча. Отдельная линия — для кого-то философско-религиозная, а для кого-то научно-фантастическая — связана с противостоянием и диалогом двух искусственных суперинтеллектов, рассуждающих о будущем и целесообразности существования человечества.

Как вы решились в век индивидуализма говорить о жертвенной позиции в качестве основной альтернативы политическому доминированию, как способе существования?

Не убежден, что у нас век индивидуализма. Во-первых, индивидуализм, как социальная философия и политическая теория, начинается даже не с Локка и эпохи Просвещения, а формируется на Западе с античных времен. Во-вторых, наше общество, отечественная литература испытывают, конечно, очарование индивидуалистическими ценностями в результате западного культурного влияния, но сказать, что мы живем в обществе победившего индивидуализма, я не могу. Российская цивилизация всегда отличалась патернализмом и коллективизмом. Это сложно не увидеть и в современной нам России. И жертвенный героизм наших бойцов на фронте, и сборы на нужды фронта от неравнодушных граждан, когда даже бабушки-пенсионерки несут все, чем могут помочь бойцам. А самоотверженность наших врачей и волонтеров во время ковида разве свидетельствует о торжестве индивидуализма? Нет никакого авторского подвига в желании писать и говорить о том, что разделяется многими.



ЕВГЕНИЯ ГУСЕВА

Какой литературный жанр в большей степени характеризует современную российскую реальность?

Пожалуй, два. Первый — политический триллер. Мы массово потребляем громадное количество политической информации, живем продвижением наших войск на фронте, обсуждаем итоги саммита в Анкоридже, возмущаемся незаконностью захвата Мадуро, то восхищаемся Трампом, то осуждаем его. И делаем это искренне и увлеченно. Политика в нас, а мы в политике. Вне зависимости от того, чем каждый из нас персонально занимается. Мы политически озабоченная нация. В хорошем смысле. Поэтому — политический триллер. Жанр, который, кстати, практически отсутствует в нашей литературе, в отличие от британской и американской. У них есть Джон ле Карре, Том Клэнси, Фредерик Форсайт, Ян Флеминг и другие. Герои их книг — западные политики, президенты, агенты MI-6 и ЦРУ. Есть популярные даже у нас в стране фильмы и сериалы про их литературных героев, которые успешно борются с русскими агентами, спецслужбами, криминалом. На эту культурную экспансию у нас не сформулирован ответ. В этом жанре в России последним успешно работал Юлиан Семенов — по сути, советский писатель.

В чем причина невысокого интереса к политическим триллерам в России?

Политический триллер, как и детектив, считается низким, развлекательным литературным жанром. Притом что требует серьезной погруженности в специфику работы политиков и спецслужб. Такой опыт есть у единиц. Но у нас этот жанр редок и в отечественном кино. В СССР были «Тегеран-43», «ТАСС уполномочен заявить», «Мертвый сезон» и другие. А из удачных политических триллеров последних лет — и то про советскую эпоху — вспоминается только «ГДР» и «Дорогой Вилли». Про современность отечественных политических триллеров нет вообще. А запрос аудитории есть. Однажды в разговоре с продюсером упомянул популярные западные сериалы «Дипломатка», «Карточный домик», «Убивая Еву», «Медленные лошади», «Тегеран», а мне в ответ: «У нас такое смотреть не будут, зритель не приучен, да и такое снять не дадут». А кто-то пытался? Кто решил, что не будут смотреть? «Семнадцать мгновений весны» до сих пор смотрят. Конечно, первостепенное значение имеет качество литературы, поскольку больше половины успешного западного контента снимается по литературным бестселлерам.

И еще один жанр всегда характеризовал и, наверное, будет характеризовать отечественную действительность любой эпохи — это сказка. Она же утопия: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью». Утопия — это социальная сказка с хорошим концом.